
НА ЮГ
История семьи
Татьяна Перели
12+

Татьяна Перели

На юг. История семьи

«Автор»
2021

Перели Т. В.

На юг. История семьи / Т. В. Перели — «Автор», 2021

Письма-дневники дедушки Алёши, рассказы бабушки Шуры, мемуары дяди Вовы и наши общие воспоминания собрались и выстроились, как пазлы, в одну общую картину. О нелёгкой жизни в Сибири, где всегда есть место романтике. О любви, которой война и голод не помеха. О том, как преодолевали, плакали и смеялись. О том, как шаг за шагом шли к своим мечтам. Ошибались, закалялись и просто жили свои прекрасные простые жизни, продолжая свой род. Я написала эту книгу для десяти правнуков Шуры и Алёши. Потому что наши предки – это неиссякаемый источник сил, опыта и любви. Мы – это новые они. Так почему бы не узнать их поближе?

© Перели Т. В., 2021
© Автор, 2021

Содержание

Предисловие 5
Часть первая 7
Шура 7
Алёша 13
Часть вторая 19
Война 19
Немецкий госпиталь 22
Вольнонаёмная 23
«Пишу в затишье…» 24
Часть третья 29
Черняховск 29
Знакомство 34
Любовь и письма 35
«Прощай, друг мой» 39
Разлука 42
Конец ознакомительного фрагмента. 43

Татьяна Перели
На юг. История семьи

Предисловие

Нашей бабушке исполнилось 95. Она не признаёт врачей, хотя сама всю жизнь провела в медицине. Знаю я этих врачей, говорит она. Она делает зарядку, гуляет, метёт двор, следит за питанием и смотрит Модный приговор. Наш дом увешан картинами из пазлов по две-три тысячи штук, собранными ею на десятом десятке. У неё десять правнуков, и всех их надо поднять. У неё два имени и две даты рождения. «Я кремень» – говорит иногда она. «Как у быка» (как у кабана) – отвечает она на вопрос, как здоровье.

Она считает свою жизнь очень счастливой. Когда ей было 15, началась война. Когда-то она жила в окопе, а сейчас она говорит по скайпу. Она жила при Сталине, Горбачёве и – о господи, при Зеленском.

Она дошла до Инстербурга во время войны, дружила со ссыльными в Сибири, сушила сухари в девяностых, а теперь пытается разобраться в ковидно-вакцинном заговоре.

Она хранит альбомы с фотографиями, как самую большую ценность.

– Вот как ты будешь потом фотографии из телефона пересматривать? А я, бывает, ночью не спится, достану альбомы, и смотрю.

Она хранит все дедушкины письма, и даже открытки с войны. Пожелтевшие страницы дышат юношеской любовью, заботами и тревогами, радостью и мечтами.

Иногда кажется, что человечество на всех парах несётся в пропасть. А может, мы выйдем на новый круг, замедлимся, начнём смотреть внутрь себя, интересоваться историей, хотя бы собственного рода. Я пишу эту книгу для десяти правнуков бабушки Шуры, в надежде, что рано или поздно они зададутся теми же вопросами, коими сейчас задаюсь я. Кто мы, откуда, какими были наши предки. Через что им пришлось пройти, чтобы стать теми, кем они стали. И какие их программы вшиты в нас. Интерес этот порой пробуждается довольно поздно. Сначала мы активно занимаемся собственным самоутверждением. Мы устраиваемся в этой жизни, скачем по её кочкам и ухабам, потому что мы умные и всё знаем. И это нормально, на этом строится жизнь. Если бы мы всё спрашивали у родителей, человечество бы стояло на месте.

Что будет через пять, десять лет? Превратятся ли люди в роботов, приложения к телефону, или что похлеще произойдёт с беспечным человечеством? А может наоборот, мы превратимся в эфирные создания, растворенные в любви и летающие к звёздам? Никогда ещё не было столько неопределенности в таком, казалось бы, простом вопросе.

Ещё, мне кажется, новому поколению будет интересно узнать, как жили люди в двадцатом веке, без телефонов, интернета, и большинства благ сегодняшнего мира.

Большая часть книги написана по рассказам моей бабушки Шуры, я постаралась максимально сохранить в тексте её слова. Использовала мемуары недавно ушедшего дяди Вовы. И вишенкой на торте я считаю письма дедушки. Они живые. Читая их, я вместе с ним горюю и радуюсь. Он тонко чувствовал, и умел передать всё простыми словами. Да что там, он даже стихи писал. Его письма – это кладезь смыслов, я перечитаю их не раз.

На долю бабушки и дедушки выпало много трудностей. Но, вселенское равновесие никто не отменял, и они прожили интересную и насыщенную жизнь.

Сам процесс написания помог мне понять многие моменты этой жизни, стать мудрее и проникнуться огромной любовью к своему роду. Даже при перечитывании готового текста иногда по телу шли мурашки, а иногда наворачивались слёзы. Я сочувствовала своим героям,

гордилась ими, я видела их в себе и в моих родственниках, трудолюбивых, искренних, любящих и простых.

Я благодарна всем, кто помогал в создании этой книги. И так как всё записывалось со слов разных людей, то именно их взгляд на вещи и события и останется в этой книге. Я очень старалась соблюсти хронологию событий, но, если где-то ошиблась, вы меня простите. Приятного чтения!

Часть первая

Шура

Родилась Шура Круглова в 1925 году на хуторе с милым названием Скоморошки. Именно так написано в её паспорте. В четырёх километрах от Вязьмы в декорациях девственной природы, лесов, лугов и озера красовались всего три дома со скотными дворами, баньками, садами и огородами. В каждой семье была корова-кормилица.

На фото: слева Шура

Семья Шуры жила в деревянном доме с печью посередине. На маленькой кухоньке стояли лавки и деревянный стол. У стены стоял основной предмет мебели тех времён – сундук. В нём

хранили одежду, на нём спали. Днём он превращался в ещё одну лавку. Побеленные стены над кроватями занавешены цветными ковриками.

Зимой, когда всё от края и до края становилось белым, и снег хрустел под ногами, главной в доме становилась печь. Именно такая, какие рисуют в детских сказках. Заслонка, ухваты, угли. Еда в чугунках. Печь исправно глотала заготовленные на зиму дрова, с уютным треском переваривала их и добросовестно выполняла все свои функции. Вообще, у русской печи было много функций – готовить еду, греть дом, сушить грибы-ягоды, нагревать воду и сушить одежду.

Летом картинка вокруг дома менялась. Лес начинал играть всеми оттенками зелёного, луга разливались ромашками и незабудками, над которыми хозяйничали стрекозы.

Мама Дарья была русской крестьянкой – русая, светлоглазая. Добрая, спокойная, и в то же время с хорошим чувством юмора. Детей было трое – старшая дочь Шура и два сына.

Круглолицая Шура была спокойным и трудолюбивым ребёнком. Помогала маме с братьями и очень любила своего папу. Папа же души не чаял в дочери, обнимать её любил крепко.

На хуторе Скоморошки они жили не долго, и вообще, место их жительства менялось регулярно.

На фото: сверху Дарья и Андрей, родители Шуры

Пока папа был жив, семья Шуры жила хорошо. Папа Андрей – красавец мужчина, с крупными правильными чертами лица, большими светлыми глазами и четко очерченными бровями. Был «на хорошей должности», что-то по заготовке продуктов, коммунистом был, любил хорошо одеваться и прекрасно играл на гармошке. Бывало, оденет тулуп, сядет в коридоре, и наигрывает. Когда переехали в барак с тонкими стенами, папина кровать стояла под стеночкой, а Шура спала на сундуке. Папа часто брал маленькую Шуру к себе в кровать, пока не выяснилось, что его постоянный кашель был туберкулезом.

Папу забрала к себе тётка в поселок. Тётка работала дояркой в колхозе, молочко носила всё время, отпаивала больного молоком. А семья оставалась в деревне.

В январе 1935 года, будучи на ногах и в абсолютном сознании, он сказал жене:

– А сегодня я на гармошке играть не буду. Сегодня, Дарья, я буду умирать. Позови мне моего друга, хочу с ним проститься, – сказал Андрей. После попросил стакан кипяченой воды. Выпил воду, лёг и умер.

На похороны детей не брали, и Шура долго бежала по снегу за санями, на которых стоял накрытый красной тканью гроб. Кладбище было далеко, но Шура любила посещать папину могилку.

Шура сохранила единственную фотографию папы.

***

Спустя время мама снова вышла замуж. Ох и не взлюбила Шура её нового мужа, Анисима! От папы остались костюмы, брюки, сапоги. Новый муж одевает папины вещи, а Шура подойдет, и давай стаскивать с него сапоги – отдай, это папкины!

Так вот, жили они тогда в деревянном бараке с тонкими стенками. Тряпками перегораживались – там одна семья спала, там другая. Решили они поменять корову на собственный дом. Колхозы к тому времени скот отбирать уже не имели права, только меняли. Отбирали «богатые» дома, и меняли их на скот. Итак, отдала Шурина семья корову, и переехала в хороший дом, печка красивая кафельная посреди избы, красота! Во второй класс Шура пошла уже в этом доме.

Был жаркий месяц июль, по окончании второго класса Шура была в пионерском лагере. После лагерной смены возвращаться ей было уже некуда – их красивый дом сгорел. Мужик, живущий через два дома от них, сидел на крыльце, точил косу и покуривал папиросу. Папироса упала на сено и сено вспыхнуло, как спичка. Огонь быстро сожрал все 69 домов их поселка. Выгорело всё подчистую.

Погорельцам дали временную комнатку в Вязьме на две семьи, и деньги на покупку нового дома. Снова купили дом, посреди леса, рядом с железной дорогой. Поезд возил рабочих на работу. Мама работала на льно-чесальной фабрике. Муж второй на кожзаводе работал – через дорогу от мамы. Спустя три года на месте сгоревших домов построили новые, и они снова купили себе там домик, поближе к работе.

***

Дети с деревни ходили в школу в Вязьму. Каждый день мама давала Шуре 50 копеек, и на переменке Шура покупала себе булочку и стакан молока. Шура была старшей, и уже пошла в четвертый класс, младшие братья в школу ещё не ходили. Расстояние в четыре километра можно было пройти пешком, а можно было и поездом, тем более что это было бесплатно. Поезд останавливался прямо возле школы.

Младшие ребятишки с деревни, как и Шурины братья, были предоставлены сами себе. Они частенько подъезжали поездом к школе, дурачились, лазили под окнами, заглядывали в классы.

Был первый день школы. Шура сидела в классе, когда послышался сначала звук тронувшегося поезда, и сразу же страшный шум, скрежет металла, и встревоженные голоса – мальчика зарезало… мальчика в сером свитере…

…В сером свитере был брат Шуры, Витя, шести лет.

***

Со вторым братиком тоже случилась беда. Шура в очередной раз была в пионерском лагере. Родители поехали её навестить, а бабушка осталась с малышом дома. Она сидела с ним на ручках на сундуке, и ждала родителей. Малыш упал и неудачно ударился позвоночником. Ему наложили гипс, у мальчика вырос горб, и вскоре он умер.

***

В 1937 году у Шуры родился новый братик Толя.

До 14 лет Шура стояла на учете по туберкулезу. Каждые полгода мама брала Шуру за ручонку, и водила в больницу. При очередном поступлении в пионерский лагерь в легких были обнаружены туберкулезные очажки. Рыбьего жира Шура перепила уйму. Даже когда Шура стала взрослой, рыбий жир не переводился со стола, его ели и просто так, и добавляли во всевозможную еду.

В 1941 году, когда Шуре было 15, детство закончилось. Началась война.

Алёша

«В виду повторяющихся из года в год неурожаев, крайнего малоземелья и за отсутствием постоянных заработков, жить нам положительно нет возможности. В виду этого честь имею покорнейше вас просить разрешить нам с семействами переселиться в Сибирь на казённые земли. Предварительно просим разрешить послать ходоков для осмотра и выбора переселенческих участков земли…»

Крестьяне Псковской губернии тянулись в Сибирь. Заселение губернии было плотным, крестьяне имели маленькие наделы земли, а жили тем, что выращивали и заготавливали сами. В 1880-1890 годах часто случались неурожаи, и наступали голодные времена. Вырубался и дорожал лес, и к голоду добавлялся холод, не говоря уже о ремонте обветшавших изб и хозяйственных построек. Те, кто уже выехали, писали восхищенные письма оставшимся соседям и родственникам о своём новом житье-бытье. Крестьяне загорались идеей о переезде на просторные и удобные сибирские земли. Столыпинская реформа должна была убить двух зайцев – проредить население, где «густо», и заселить сибирские земли.

***

Так, очередные несколько семей распределили по деревням. Буриловым Марфе с Алексеем достался Кундулун Зиминского района Иркутской области. И вот, Марфа с Алексеем, «середняки», средние крестьяне, тоже получили определённую сумму денег, сели в товарняк и рванули навстречу судьбе.

Марфа – высокая девушка с тонкими чертами лица и высоким лбом. Мужчин после войны катастрофически не хватало. Девушку познакомили с Алексеем, ниже её на голову.

– Пойдёшь за него замуж?

– Пойду, – не раздумывала Марфа.

На единственной сохранившейся фотографии Алексея на нас смотрит бравый солдат, в военной форме и сдвинутой на бок фуражке.

На фото: Алексей, муж Марфы

Осваиваться в Кундулуне было тяжело. Местные аборигены невзлюбили переселенцев, на контакт не шли, ничего им не продавали. Так, стали Марфа с Алексеем раскорчевывать землю, жить и трудиться. Сказать, что они работали много, ничего не сказать. Со временем тяжёлый труд дал свои плоды. У них появился добротный дом, с большой кухней и красивой печью. В домашнем хозяйстве были конь и корова. Они даже обзавелись собственной лавкой,

в которой продавали ситец. Растили дочерей. Когда в деревню приезжали уполномоченные, с проверкой по колхозам, их всегда направляли ночевать к Марфе.

– Идите к Марфе, у неё дом большой, всем места хватит.

Марфа с Алексеем любили и умели принимать гостей, уполномоченным у них очень нравилось. А когда жизнь наладилась, грянула революция 1917 года. Её торжественно назвали Великой Октябрьской Социалистической революцией. Власть поменялась. «Кто был никем, тот станет всем».

***

Марфа была беременна, когда муж Алёша погиб при неизвестных обстоятельствах. Возвращался со свадьбы домой, и не доехал. То ли отравили, то ли убили. Марфа не могла управляться с большим хозяйством без мужских рук, и приютила у себя глухонемого парня, который стал помогать ей по хозяйству.

Тем временем в стране набирал обороты процесс раскулачивания. Крестьянское население делилось на три категории: деревенская беднота (батраки), середняки и кулаки. Толковые словари объясняют, что «кулак» – это зажиточный крестьянин, эксплуатирующий односельчан. Или, богатый крестьянин, угнетающий чужой труд, нанимая работников, либо давая деньги в рост. Друзьями советской власти становилась беднота. А эксплуататоры-кулаки объявлялись врагами народа.

Собственность зажиточных крестьян отбирали, и отдавали в общественное пользование. Скот отдавали в колхозы, а в отобранные дома селили «бедных». В поселковый совет приходила «разнарядка», сколько человек в селе надо раскулачить. Племянник Марфы работал в поселковом совете. Он то и записал в этот список родную тётку, потому как больше было некого.

Причиной записали то, что Марфа эксплуатирует чужой труд своего глухонемого помощника. Революционеры выгнали беременную женщину с малыми детьми на улицу. Отобрали коня, корову, дом. Марфе с тремя дочками разрешили перейти жить в баньку в собственном дворе.

Каково было им, голодным и холодным, видеть, как чужие ботинки топчут их дом, как носят их одежду? Страх? Чувство несправедливости? Безысходность, отчаяние?

Именно в этих декорациях в 1919 году у Марфы родился мальчик. Новорожденного Марфа назвала Алёшей, в честь отца, которого мальчик никогда не увидит. Маленький Алёша всегда плакал на могилке отца. Так и жили.

***

…В очередной раз в Кундулун приехали уполномоченные.

– Где ночевать будете?

– К Бурилихе пойдем.

– Так она сама в бане живет.

– Как в бане живет?

– А вот так, раскулачили.

Уполномоченные тут же пошли к Марфе, расспросили, что к чему, сказали, что не должны были, ни по каким параметрам, её раскулачивать. Недолго думая, они стали бороться за Марфу, ходатайствовать, написали с её слов письмо, отправили в Москву. Но письмо долго лежало «под сукном», как говорили тогда.

Наконец из Москвы пришло распоряжение – отдать всё. А отдавать было уже и нечего, только дом с ободранными стенами, из которого всё растащили.

Марфа отказалась идти в колхоз, куда загоняли работать крестьян, куда свозили раскулаченный скот. Кормила семью случайными заработками, бралась за любую чёрную работу, колола дрова, работала день и ночь, как конь. В селе её звали «Бурилиха двужильная». Маленький Алёша вырастет и станет таким же работящим. А пока он рос и смешно звал старших

сестер Века-Мака-Дука-Пака (Вера, Маша, Дуся, Паша). Жили Марфа с детьми плохо, голодовали. Одна из девочек, Паша, умерла. В общей сложности у Марфы родилось семь детей, но три девочки прожили недолго.

На фото: по центру Марфа, справа её сын Алёша

Всё детство Алёше приходилось работать в бедном крестьянском хозяйстве, быстро заняв место мужчины в доме. По окончании школы уехал в Зиму Иркутской области, поступил в медучилище. Помощи ждать не приходилось. Что бы как-то прожить, после занятий грузил вагоны. После окончания медучилища распределился в Усть-Кут на Лене, но его тут же призвали в армию на Дальний Восток. Отслужил три года, пора домой, и тут началась война. Посадили их в «теплушки» (вагоны в поезде), и на фронт через всю страну. И в этот момент, когда судьба больно бьёт по планам молодого парня, она ещё и мило шутит. Дорога на фронт через всю страну пролегает через родное село. Избушка мамы была так близко, но он не мог подойти и пообщаться. Алексей написал маме записку, и попросил мальчика отнести воон в тот домик, и передать, что сын её едет на фронт.

Часть вторая

Война

Мы с бабушкой сидим на кровати, у меня на коленях седьмой с половиной айфон, он же диктофон, который записывает наши разговоры. За стеной носятся правнуки. Мы пообедали, и продолжаем плыть по волнам времени.

Бабушка, как хорошая ученица в школе, старается всё вспомнить. Если честно, то даты, цены и имена она помнит лучше меня. Чтобы созреть на это интервью, мне понадобилось много лет. Бабушка не любила говорить о войне. Конечно, я много раз слышала некоторые отдельные истории, и мне всегда было жаль, что всё это уйдёт вместе с ней. И недавно меня осенило. Оно не уйдёт. Я это сохраню.

– А как узнали, что война началась?

– А у нас тогда уже радио было! По радио объявили.

Выступление по радио В. М. Молотова 22 июня 1941 г.:

«Граждане и гражданки Советского Союза!

Сегодня, в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну, атаковав нашу границу во многих местах и подвергнув бомбёжке со своих самолётов наши города – Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и некоторые другие. Налёты вражеских самолётов и артиллерийский обстрел были совершены также с румынской стороны и со стороны Финляндии.

Это неслыханное нападение на нашу страну, несмотря на наличие договора о ненападении между СССР и Германией, является беспримерным в истории цивилизованных народов. Вся ответственность за это нападение на Советский Союз целиком и полностью падает на германское фашистское правительство…

…Теперь, когда нападение на Советский Союз уже совершилось, Советским правительством дан приказ нашим войскам отбить нападение и изгнать германские войска с территории нашей родины.

Правительство Советского Союза выражает непоколебимую уверенность в том, что наша доблестная армия и флот и смелые соколы советской авиации с честью выполнят долг перед Родиной, перед советским народом и нанесут сокрушительный удар по врагу.

Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!»

***

Когда началась война, Шурина мама была беременна. Отчима, как и всех мужчин, сразу забрали на фронт. Вскоре на него пришла похоронка. Похоронки тогда приходили многим.

Жизнь вокруг изменилась. То тут, то там ведут пленных. Военные с винтовками. Перестрелки. Горят дома. Жители деревни лазили по крышам, собирали бомбы-зажигалки, и закапывали в песок, чтоб те не загорелись. Сказать, что было страшно – ничего не сказать.

Вязьма стояла на возвышенности, рядом ещё одна гора, между ними в низине речка течет. С одной стороны реки немцы строчат, с другой русские. Во время одной из перестрелок кинули зажигалку, дома начали вспыхивать. Шурин дом загорелся третьим, и все дома сгорели, до самой реки. И там дома горят, и тут дома горят – эта картина навсегда отпечатается в глазах пятнадцатилетней девочки. Это было в октябре месяце, всё уже было выкопано с огорода и сложено в подполье. Все съестные припасы сгорели вместе с домом.

У тётки дом остался, он был за рекой. Шура с мамой и маленьким братом Толей перебрались к ней. Тёткин дом был на две половины, и в одной половине жили немцы. Мама с

пузом ходит, а немцы ей в живот пальцем тычут – «матка». Когда пришло время рожать, мама старалась не кричать, чтобы не привлекать их внимания. Ребятишек на улицу повыгоняли. Так, 28 января 1942 года у Шуры родился ещё один братик Витя. Тётка всех их кормила, и своих детей, и Шуру с мамой и братьями.

У тётки долго жили. Одна её дочь, Клавдия, умерла, осталась Ира, и сынок. Мальчик потом себе глаз выколол, нечаянно. Лет шесть ему было. Старшие дети издевались над ним. Он ходит и рукой всё глаз свой держит, а дети кричат ему – убери руку!

***

А потом сгорел и тёткин дом. Постепенно все переехали жить в окопы. Шура сама себе выкопала свой первый окоп. Окопы копали Г-образной формы – немцы заходят и сразу начинают стрелять, а ты в стороне. Ширина окопа около метра, в длину сколько угодно. Сверху накат, на накат насыпана земля. Позже копали общие семейные окопы. Всё их хозяйство – лохмотья, и больше ничего. Шурина мама, Дарья, прожила в окопе до 1949 года.

Бомбёжки были каждый час. Чуть что – по окопам прятались. Или в воду лезли, кто где был. Несколько осколков оставят девочке шрамы на лбу и на спине на всю жизнь. Царапины в больнице обработали, наложили повязки, и отправили домой. В окоп.

***

Я пишу эти строки, сидя в тёплом комфортном доме. Сейчас зима, и неожиданно нашу одесскую землю замело, много и красиво. Редкая для наших мест красота природы часто приходит под руку с неудобствами из-за порванных проводов. Я с ноутбуком переезжаю в ту часть дома, где есть свет, сетуя на временные неудобства. В чашке ароматный запах кофе. На столе разложены помытые камни. Они ждут, когда мы займемся нашим новым хобби – ковриками и картинами из камня. Неожиданно дом начинает трясти, снежная лавина несколько секунд громко шкребёт по крыше, и с грохотом падает вниз. Я выныриваю из окопов, чтобы снова вернуться туда. Но прежде мне хочется вставить пару слов.

Милые правнуки – Денис, Артём, Дима, Маша, Даша, Катя, Женя, Максим, ещё один Максим и Вовочка. Помните, что любые жизненные трудности обязательно пройдут. Ваша бабушка Шура в 15 лет копала окопы, но после она прожила длинную жизнь, в которой рядом с трудностями было очень много радости. Ваша жизнь совсем другая, намного комфортнее и легче. Жизнь ваших детей будет тоже другой. Жизнь потому и называется жизнью, что она никогда не стоит на месте. И ещё я хочу, чтобы вы знали реальную, неискажённую учебниками, историю своего рода. Из первых рук. А мы с вами возвращаемся в окопы.

***

– А что там в окопах было? Как готовили еду, на чём?

– Какая там еда, Таня…

– А что же вы ели?

– Что придётся.

Неподалёку было три сгоревших маслозавода, и под развалинами ещё оставалось льняное семя. Ходили пешочком туда, таскали это семя домой. Принесёшь, натрёшь его, лепёшку какую испечёшь, и хорошо. Зимой, было, ходили на поле боя. От коня убитого отрубали кусок мяса, приносили домой. Этим мясом питались. Летом травы было полно, кипятком ошпаривали и питались ею.

Пошла как-то соседка побираться, в деревню за 20 километров, туда, где немцев не было. Шура увязалась с ней. Потом всю дорогу шла и думала – господи, дура, зачем я туда иду… но назад нельзя, заблужусь, лучше уж дальше пойду…

Немцы останавливали, спрашивали – аусвайс есть? (удостоверение)

– Нет, мне 15 лет.

Ходили они, хорошенько закутавшись в платки, чтоб никто не догадался, что Шура молоденькая. Поговаривали, что немцы насилуют молодых. По дороге жители деревни расспраши-

вают их – сколько немцев видели, кто и что. Побирушки боялись отвечать, вдруг это провокаторы какие-то. Страшно было, жуть. Но ничего, обошлось. Нет, подумала Шура, буду с голоду умирать, но не пойду больше. Обошли они с соседкой всю деревню, и никто им ничего не подал, но хорошо хоть, накормили и спать уложили. Ночь переночевали они и вернулись домой ни с чем.

Немецкий госпиталь

Первую зиму собирали немцы молодёжь на «снегоборьбу», расчищать дорогу. А дороги были широкие. Шура наравне со всеми ходила на снегоборьбу.

Как-то соседка Шуре говорит:

– Слушай, что ты будешь дороги чистить, ты же немецкий учила?

– Учила. Немного знаю.

– Ты иди, там немецкий госпиталь открывается, принимают на работу.

А Шуре даже обуть-одеть нечего. Вещи собирали всем посёлком, чтобы выглядеть по-человечески. Пошла устраиваться.

– Сколько лет тебе? – спрашивают немцы.

– Восемнадцать, – накидывает Шура два года.

– Немецкий язык знаешь?

– Три года учила, – смело преувеличивает она.

Взяли Шуру санитаркой в немецкий госпиталь, расположенный в здании медучилища, в трёх километрах от тёткиного дома. Поставили её сразу же полы мыть, а этаж огромный – хоть стой, хоть плачь, а мыть надо. Делала она там всё, что скажут.

Госпиталь был для больных с простреленными лёгкими. В лёгкое вставлялась резинка, рядом бутылка, и в бутылку из лёгких гной стекает по резинке. Эти бутылки они с девчонками каждый день ершами мыли. Судна из-под больных выносили, подтирали их, туалеты мыли. А начнётся бомбёжка, начинают больных на носилках в подвал прятать. Потом из подвала обратно. Тяжело было очень, какая сила в 16 лет? Ни минуты не сидели.

Кормили немцев в госпитале очень хорошо. Девчонки-санитарки еду к обеду готовили. Немцы сильно хлеб с маслом любили. И вот, стоит перед Шурой хлеб нарезанный, надо на каждый кусок 20 грамм масла намазать. Девчонки мажут, мажут, потом раз – и кусочек масла в рот, пока никто не видит. Колбасу режут, и чуть-чуть, да и возьмут тихонечко, пока никто не видит. Ох, если б увидели, оттаскали бы за волоса как следует! Девочки там очень послушные были. Часто им доставалось мазать хлеб маслом. Всегда строго наказывали им, чтобы очень осторожно с хлебом. (Теперь то я понимаю, почему бабушка так любила детишек маслом кормить. Положит кусочек масла в рот малышу – «масличко – ааа!» – вкусно то есть).

Немцы в госпитале относились к работникам хорошо, никого не обижали. Наоборот, старшая сестра, немка, принесёт булку хлеба, всем понемногу разделит. Их там много было, санитарок и всяких работяг, всем понемножку доставалось. Надо отметить, что работники наши были добросовестными, и не лезли не в свои дела.

Время к обеду – больные идут руки мыть, и за длинный стол, со стульями по обе стороны. Что больные не доедают – у девчонок котелочки стоят. Они в эти котелочки объедки собирают. Выносит Шура котелок с едой, мама уже стоит под воротами, ждёт. Отнесёт еду домой к тётке за три километра, прокипятит, и ребятишек покормит. Пока у тётки дом был нормальный, так и жили. Позже и её дом тоже сгорел.

Потом Шура жила с подружками на квартире. За работу немцы денег не платили, слава богу, хоть кормили и в квартиры селили. Осталась еда от больных – нальют тарелочку, сидишь, ешь. Выгонят кого-то из квартиры, тебя поселят. Потом бабуля одна взяла их, троих девчонок, жить к себе. Жили без никакой платы. (Какие платы!) Принесёшь ей кусок хлеба, она тебе десять раз спасибо скажет.

Работала Шура в госпитале года полтора, с 6 октября 1941, и до 1943, пока немцев не выгнали. Когда немцев выгоняли, девчонки попрятались, чтобы их вместе с немцами не угнали. А в 1943 наши пришли.

Вольнонаёмная

Шура сильно хотела, чтобы в армию её взяли, ей к тому времени уже исполнилось 18. Но её не взяли, потому что она у немцев работала. Тогда она пошла добровольцем в вольнонаёмную армию.

23 февраля 1943 года, Смоленск. Тогда её только-только взяли в вольнонаёмную воинскую часть, номер прикрепили. Раненько утром с подружкой шли они на работу. И тут, откуда ни возьмись, из подвалов перестрелка. Или там засада какая была, немцы, или русские, не понятно. Подружка шла по правую сторону, Шура по левую. И тут одна пуля пролетает Шуре сквозь обе ноги. Шура руками схватила одну ногу, артерию придержать, чтобы кровь не вытекла. Вторую ногу не чувствует. Ничего у неё не получилось, и она потеряла сознание. Неподалёку какой-то госпиталь был маленький. Видимо, услышали стрельбу. Прибегают, Шура уже без сознания. Шесть суток без сознания пролежала. Очнулась – всё не то, незнакомое, чужое. Где я…. Что я…. Расспрашивает, а никто ничего и не знает.

Навещали Шуру девчонки, еду приносили. На костылях долго она ходила. Март ещё весь ходила на костылях, месяца два точно. Крови потеряла очень много, и никто не мог понять, с чего она вдруг жить начала. Подколенная артерия перебита была, двенадцать сантиметров разрез. Но кости не задело.

А дальше стали немцев прогонять, шли вперёд, вперёд и вперёд. Из Вязьмы в Белоруссию, Минск, там недолго были, затем в Витебск. Что скажут, куда пошлют, то и делали. Нравилось Шуре там, идти всё равно было некуда. С мамой растерялись, а там коллектив был. Шура с теми же девочками, что у немцев работали, так и пошли дальше вместе. Сначала девчонок было восемь, две ушли, осталось шесть. И с ними они прошли до конца войны. Жили девочки на квартирах, а солдаты в частях.

Далее была Литва, Каунас. Чем занимались? Надо картошку чистить – пять человек, вперёд. Привезли обоз с остатками немецких пожиток – сидишь, сортируешь. Немцы отошли, наши заняли часть. От немцев остались обмундирование, вещи, боевые снаряды, это всё они и перебирали. В Каунасе недолго жили, перегнали в Кедайняй. Там какое-то время прожили. Оттуда их рабочий батальон снова перебросили в Каунас. Там девчонок взяли на кухню. Сортировали барахло, записывали и считали. Тут Шурина карьера пошла вгору, она уже работала счетоводом. Через год стала бухгалтером. (У меня даже документы есть! – говорит бабушка). Дошли до Кёнигсберга, там Шура перешла в морскую часть работать, где и работала до конца войны. Шура заведовала обмундированием, а её подружка продовольственной частью. Так они с ней, пока не разъехались, вместе и жили.

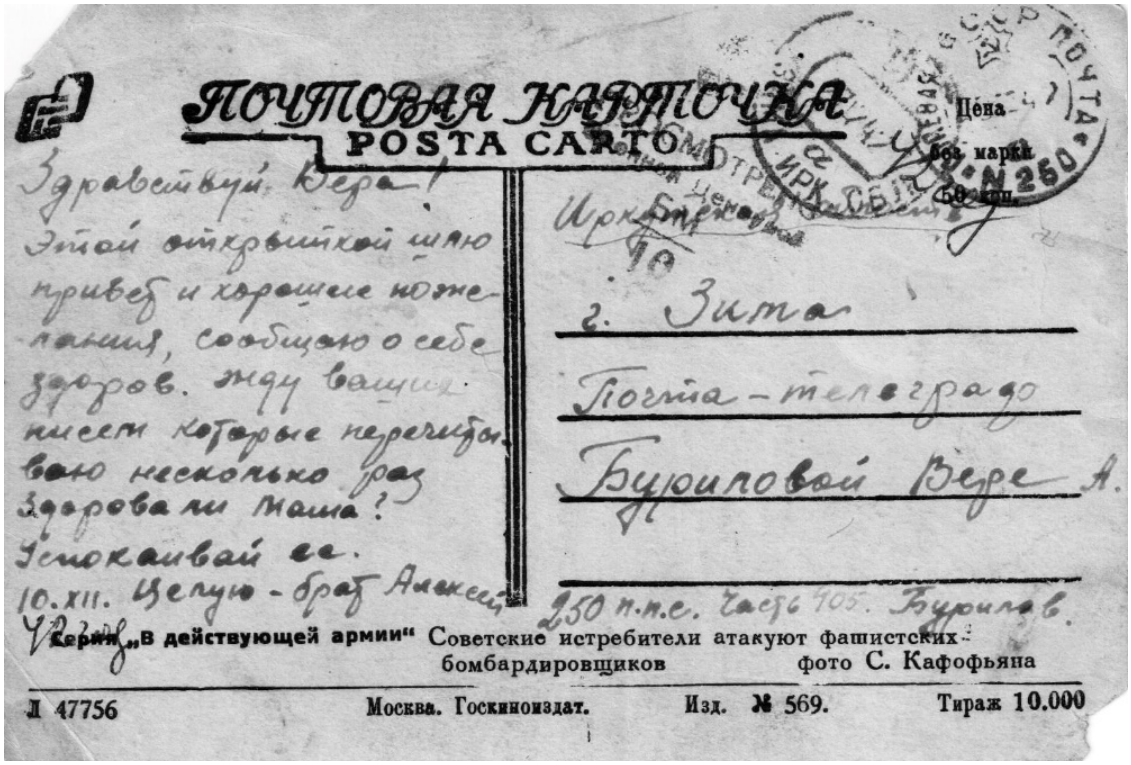
Не знали в войну ни Нового года, ни Пасхи, ни дней рождения. Не следили за календарем. Следили только за одним – как наши идут к Берлину. Как дерутся там. Ждали победы, очень ждали. Верили в неё. И этот день наступил.

– Какие чувства были, когда победили?

– Ооо, победа! Победа – это ликование!

«Пишу в затишье…»

Отправив записку маме, Алексей провёл на передовой все четыре года войны. На фронте был медработником, но в рабочем батальоне делал всё – спасал раненых, копал окопы, хоронил погибших… Ни разу не был ранен. На бархатной подушечке до сих пор хранятся его ордена и медали. Иногда он писал маме и сёстрам весточки-открытки. И иногда даже в стихах.

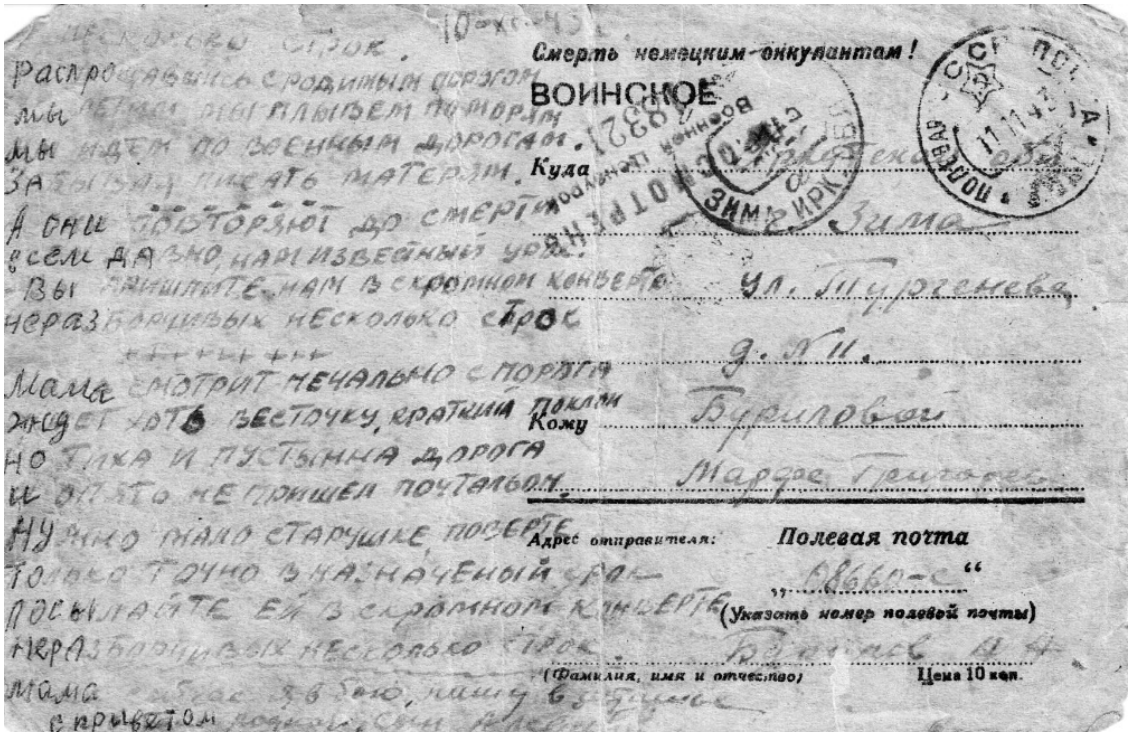


Здравствуй, Вера!

Этой открыткой шлю привет и хорошие пожелания, сообщаю о себе. Здоров. Жду ваших писем, которые перечитываю несколько раз. Здорова ли Маша? Успокаивай её.

10.12. Целую – брат Алексей

***



10.11.43
Несколько строк
--
Распрощавшись с родимым порогом
Мы летим, мы плывём по морям
Мы идём по военным дорогам
Забывая писать матерям
--
А они повторяют до смерти
Всем давно нам известный урок
Вы пришлите нам в скромном конверте
Неразборчивых несколько строк
--
Мама смотрит печально с порога
Ждёт хоть весточку, краткий поклон
Но тиха и пустынна дорога
И опять не пришёл почтальон
--
Нужно мало старушке, поверьте
Только точно в назначенный срок
Посылайте ей в скромном конверте
Неразборчивых несколько строк
--
Мама, сейчас я в бою, пишу в затишье.
С приветом, родная. Сын Алексей

На тоненькой открытке – изображение трех улыбающихся солдат, и подпись красным цветом – Привет с фронта. Ниже Алёша приписал красным карандашом – матери от сына Лёши.

***

Фотооткрытка с изображением солдат

Карандашом

Здравствуйте, родные
Сегодня 6.05.43
Получил ваше письмо, спасибо.
Не беспокойтесь, здоров.
С приветом, ваш Алексей
Подробно напишу письмом

Г.Зима
Ул.Тургенева 11
Буриловой Марфе Григорьевне
--
250ппс часть 405
Бурилов

Закончил воевать Алексей в Кёнигсберге, в звании капитан. Вступил в партию по убеждению, заслужил награды.

Фронт пошёл дальше на Берлин, а его оставили начальником санитарной службы на железной дороге при таможне. Выделили прекрасную квартиру в центре Черняховска, с богатой мебелью и всей утварью (немцы всё оставляли, убегая из Пруссии). В общем, жизнь начинались у Алексея именно здесь, и именно в это время.

Часть третья

Черняховск

В 1946 году Инстербург переименовали в Черняховск.

Шура жила в Черняховске, работала заведующей обмундированием. Шура носила красивую причёску, у неё уже были нарядные платья. На казённых харчах, Шура Круглова вновь была круглолицей ладной девушкой. Из четырёх, живущих в комнате девушек, троих звали Шурами. Девчонки были весёлые, женихов у них было много. И морячки красивые, и солдатики весёлые. А чтобы парни не путали их имена, они себе придумали новые. Нашей Шуре досталось имя Тамара.

На фото: Шура

Война закончилась, пошли они в первый раз в Дом Офицеров, на танцы. Всё было точно, как в песне – стоят девчонки, стоят в сторонке, платочки в руках теребят. Стояли так и наши девчонки. Танцевали, с парнями знакомились. Была у Шуры любовь, лейтенантик, хороший мальчик. Об этом мальчике Шура на всю жизнь сохранила тёплые воспоминания и подаренную в новогоднюю ночь фотокарточку с нежными словами о своих чувствах:

«С 31.12.45 на 1.01.46

Подруге юности Тамаре от Володи. Тому, о ком в моей памяти всегда останется нежное воспоминание как о русской благородной девушке в самых трудных условиях жизни. Тома, не забывай глубокоуважающего тебя друга Володю»

Позже хорошего мальчика Володю переведут в другую часть, и их пути разойдутся.

На фото: друг Шуры, Володя

Foto J. Zemon

Знакомство

21 февраля 1946 года стучат в двери. Девчонки открывают – стоят три офицера.

– Вам кого?

– Привет, девчонки! Да мы просто гуляем, ищем подружек.

Пригласили их девушки в комнату. Зашли ребята, посидели немного, говорят – у нас день рождения, приходите в гости. Идти, не идти – думают девчонки. Ай, пойдем.

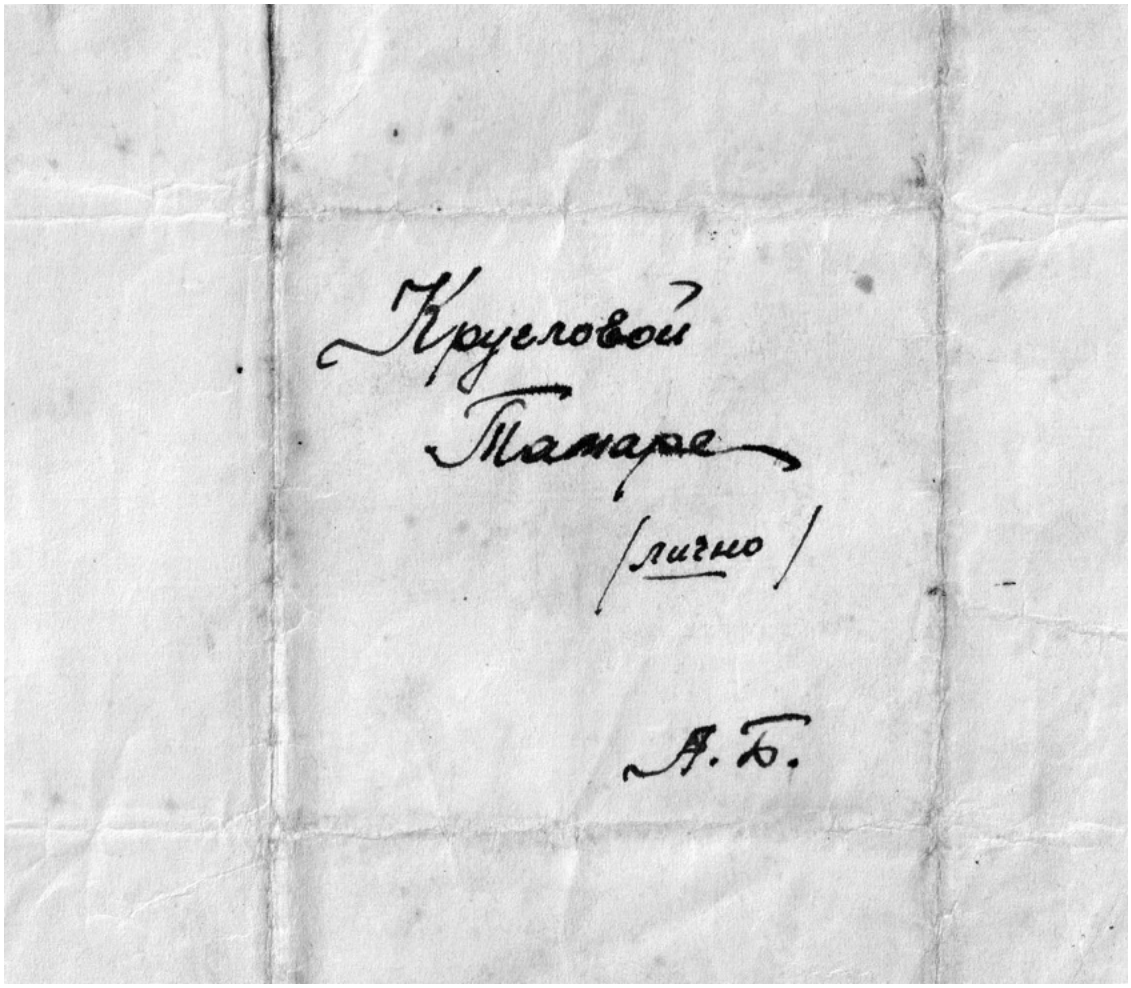
Пошли девчонки к парням на день рождения. У Алексея была красивая квартира на втором этаже. У него даже пианино было, и он неплохо играл. Стихи писал. Ему очень шла форма – гимнастерка по фигуре, кудрявый чуб, высокий лоб, голубые глаза и прямой, открытый взгляд.

Но у Шуры-Тамары морячок красивый в то время был, а тут Алёша прицепился. Алёша высоченный, худой, а Шура – маленькая, на голову ниже. Подруги смеялись – что за пара. Она его и отшила.

Любовь и письма

Но Алёша сдаваться не собирался. В то время жила Шура в воинской части, куда посторонних не пускали. Алексей работал фельдшером в другой части. Приносит Шуре знакомый парень, Витя, письмо от Алёши со словами:

– Буду ждать, пиши ответ.



Письмо Алексея:

5.03.46

Тамара, милая Тамара!

Я соскучился по нашей встрече. Эти 2 дня без тебя мне показались вечностью. Мне и сейчас, и в скором времени не представляется возможность далеко отойти от службы.

Ох эта служба, при одной мысли о ней я испытываю тоску. О такой службе и Пушкин отзывался «хорошо»:

Какое низкое коварство
Полуживого забавлять,
Ему подушки поправлять,
Печально подносить лекарство,

Вздыхать и думать про себя:

Когда же чёрт возьмёт тебя!»

Этим и я сейчас занят. Как видите, незавидная судьбина. Но на думы о своей службе нет сейчас времени, а хочется хоть посредством этого письма поговорить с тобою о жизни, о счастье, о любви (а любовь дает человеку радость и силы). Тамара, ты согласна со мной? – что бывают годы, в которые только и хочется любить.

Ведь и яблочки, зарумянивши, созрев – заводят игру с землей, они падают на её грудь и прячутся в густой траве.

Тамара, милая!

Любовь есть высший дар природы

И без любви нет смысла жить

И ею дышит всё в природе

Так разреши тебя мне милая любить

Тамара, сейчас я сижу один в комнате и как приятно в этой тишине чувствовать в своей памяти твой ласковый голос, и вспоминать счастливые встречи, хотя их у нас было очень мало. Ты не забыла?

Утром, как я смотрел, не отрываясь, на тебя. Я готов был ещё до вечера, до утра быть с тобою. Я хочу опять, чтобы эти встречи не кончались никогда!

Я не помню, как тогда наши губы встречались, помню только, каким сладким был поцелуй… Вспоминая об этих минутах, я храню в себе, как самое дорогое, лучшее.

Любимая и любимый всегда счастливы, но нет счастья в односторонней любви. А чтобы в этом не было сомнений, лучший совет – откровенность.

Плохая правда лучше красочной лжи. Желаю и тебе, Тома, таких качеств характера. А ещё тебе желаю:

Полюби если хочешь и можешь любить

Полюби и не требуй ответа

Полюби не черты молодого лица

А люби самого человека.

Тамара, ну что мне делать с мыслями; так и теснят одна другую. Хотел написать маленькую записочку, с единственной просьбой, чтобы ты выбрала свободное время после работы и зашла ко мне, но вместо этого дуже размечтался. Конечно, если бы мы раньше и чаще встречались, то теперь наша страсть несомненно была бы иной, менее воздушной и романтичной… Кажется, далеко захожу в мыслях, надо кончать. А мысли не дают покоя.

В заключение хочу вспомнить и повторить лучшие строчки Лермонтова. Мне кажется, что поэт этими словами излагал мои чувства к тебе:

Твоей любви я жду, как дара,

И вечность дам тебе за миг;

В любви и в дружбе, верь, Тамара,

Я неизменен и велик.

Тамара, следуй только своему рассудку, что подскажет сердце. Я Вас жду. Ваша отзывчивость покажет отношение ко мне.

Тома, а если не пожелаете прийти, то попрошу сразу же возвратить это письмо, чтобы оно не попало в руки «весельчакам» – для посмешища. Но я всё же больше надеюсь в счастье, верю и жду.

Напишите, или передайте словом свой ответ (когда придёте, или не хочется и думать)

А пока жму твои нежные руки, Алексей

P.S. То, что вы интересовались в отношении завивки, я там был и узнал следующее:

1) парикмахерская находится рядом с базарной площадью

2) работает ежедневно, кроме вторников

3) завивку может делать всякий, без мандатов. Лучше идти под вечер, когда есть свет (электро)

4) завивают на 10 месяцев (в цену 100руб)

Ну а в отношении покраски волос – вы знаете, куда прийти (в любое время).

Жду. Алексей

Но Шура-Тамара написала ему: «Ответа не будет, не жди».

Через день Витя снова приносит записку. Уловки влюбленного юноши не знают границ. «Я болею, у меня малярия, навести меня».

***

Письмо Алексея:

18.03.46

Тамара!

Я чувствую себя сегодня намного хуже. Конечно, ты можешь сказать, что тебе от этого «не жарко, не холодно».

А мне сегодня особенно, то жарко, то холодно – малярия вступает в полную силу.

О, как мучительно болеть в такой период.

Сегодня хотел пойти к тебе, но думаю, что после таких прогулок, наверняка прикуёт к постели.

Тамара, если веришь и сочувствуешь, то приди. Вместе с тобой мне будет легче перенести всё это.

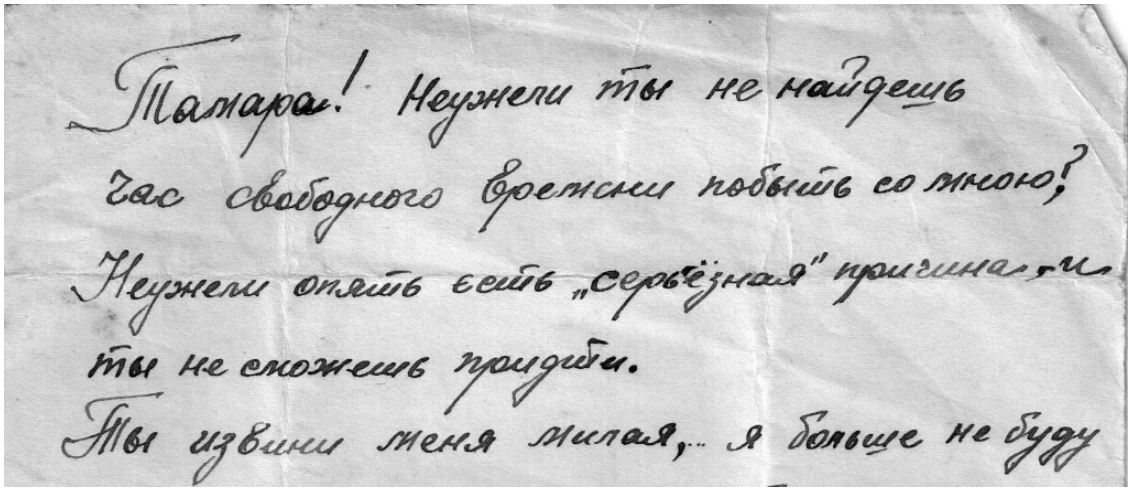
Жду. Алексей.

Но Тамара была неприступна, как хорошая крепость. Как ни придёт он к ней, получает неизменный от ворот поворот – «скажите, что меня нет». Письма остаются без ответа.

***

И снова письмо. Ещё одна попытка, сквозь отчаяние, но с надеждой.

23.03.46


Тамара! Неужели ты не найдешь
час свободного времени побыть со мною?
Неужели опять есть „серьёзная" причина, и
ты не сможешь придти.
Ты извини меня милая,... я больше не буду

Тамара! Неужели ты не найдешь час свободного времени побыть со мною? Неужели опять есть «серьёзная» причина, и ты не сможешь придти.

Ты извини меня милая, я больше не буду преследовать тебя такими бумажками и надоедать своею привязчивостью, если ты совсем не желаешь этого.

А чтобы уточнить это «Если» и рассеять сомнения – сегодня нам нужно обязательно встретиться.

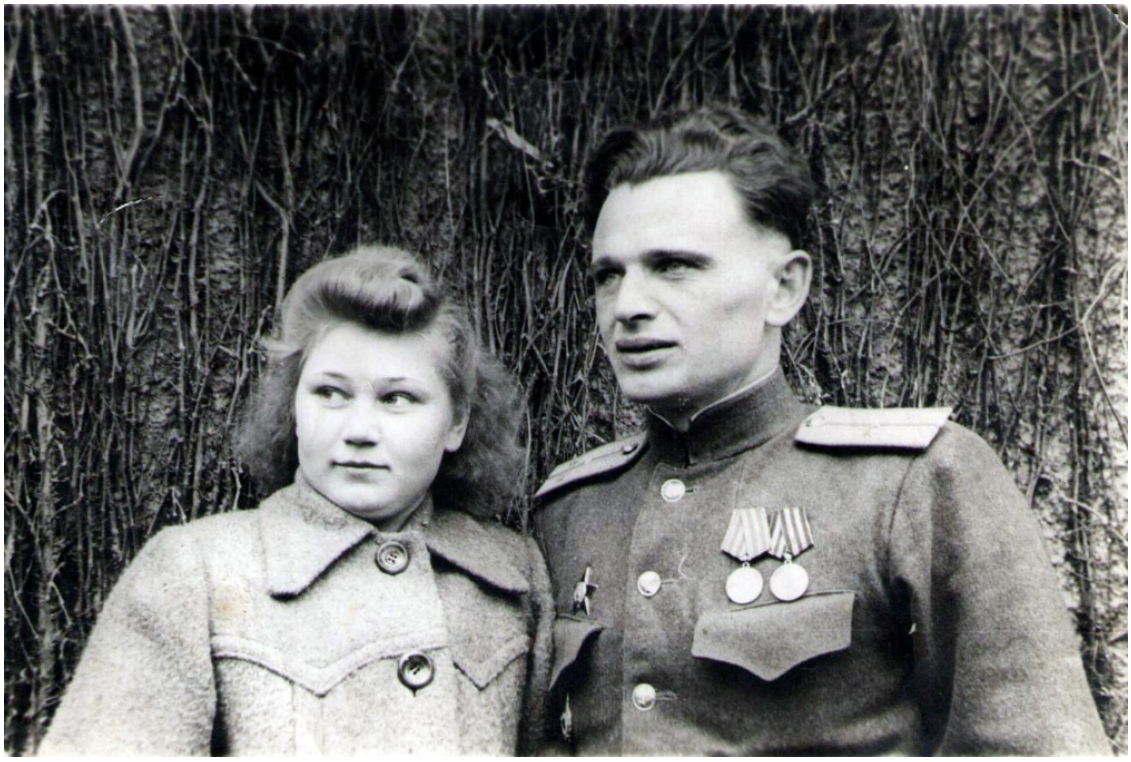
Ну что ж поделаешь, когда мне, пока ещё, нельзя прийти к Вам, хотя и чувствую уже себя почти нормально.

Пока всё, жду.

Привет самый искренний передай своей подруге Шуре – очень доброй и хорошей. А себе прими лучшие мои чувства.

Алексей

На фото: Шура и Алексей, апрель 1946г., Кёнигсберг (Калининград)



О да, юная Шура-Тамара умела трепать нервы. Но, дорогие мои, читайте между строк. Думаю, что Алексей это умел. Он просто красиво вёл свою партию. Отдавался ей целиком. Наряду с романтичными стихами он заботливо узнавал информацию «в отношении завивки» – разве не это одно из лучших проявлений любви? А лучшим доказательством любви юной Шуры-Тамары является тот факт, что все эти письма она хранила всю свою жизнь, через множество переездов и перипетий судьбы, и в 95 лет поделилась ими со мной.

Странные это ощущения – держать в руках старые письма, написанные от руки. Это настоящая машина времени, с потёртой в сгибах бумагой, запахами и вибрациями. Обязательно напишу настоящие бумажные письма своим самым любимым людям.

«Прощай, друг мой»

Я читаю следующее письмо дедушки Алёши, и проникаюсь глубиной и красотой его чувств. Глубиной и красотой его души. И как просто, искренне, красиво и достойно он передавал письмом свою боль. Между строк о любви проскальзывают глубочайшие размышления о жизни. И, вдумайтесь, мои дорогие читатели, это 1946 год. Казалось бы, всё разрушено, люди растеряли близких, всё плохо. Но молодость не остановить, молодость – это сама жизнь, и ей надо догонять то, что было упущено. Любовь сильнее всего, она как воздух, на ней держится вся наша жизнь. В послевоенном, 1946-ом, молодой парень пишет о «былом счастливом времени». О, дедушка, как бы мне хотелось тебя обнять! А может, в каких-то других измерениях ты читаешь эти строки.

И ещё одна ремарочка для читателей. В наш век пресыщения информацией, красивыми и напыщенными текстами, просто вдумайтесь. Следующее письмо писал обычный парень, недавно прошедший войну, для своей девушки. Он не был блогером, писателем, не проходил курсы сторителлинга, он писал не для лайков и комментариев, в которых сейчас мы теряем себя настоящих. Но он был парнем, который обожал Пушкина и Есенина.

Письмо Алексея:

17.04.46

Незабвенный мой друг Тамара,

Сегодня я весь день не выходил из комнаты, давая полную волю своим переживаниям и воспоминаниям о былом счастливом времени.

И вот когда я очень много передумал и разгадал свой дальнейший жизненный путь, мне захотелось написать немного о той правде, которой я сегодня всецело отдался. Я обещал не тревожить тебя письмами, но извини, милая, это будет последним – прощальным – тяжело мне это слово, но разве остаётся иной выбор, когда я знаю, что не могу составить твоего счастья, а с новым другом, тебя, возможно, ждёт счастье.

Разве я имею право выказать свою ревность, в которой, к сожалению, уже признаюсь? Нет, Тамара, просматривая мысленно тот путь, по которому мы шли, я всё больше убеждаюсь, (а сегодня окончательно), в необходимости расстаться, и никогда более не встречаться.

Когда один из двух, любящих прежде людей, перестаёт любить, другому следует удалиться. Это очень тяжело, но уважение к себе заставляет отделить это прошлое.

О, это прошлое! – тоской и грустью будет искупляться то счастливое для меня время, когда во мне зародилось и окрепло такое чувство любви, какого я не испытывал, и даже не считал возможным.

В то время я видел, что жизнь моя абсолютно изменилась. Месяца 2 назад у меня не было никакой цели, я думал, что песенка моя спета, что я износился душой и в ней уже нет места глубокому нежному чувству.

Я примирился участи состариться среди беспутной жизни, которую принято называть удовольствием. А с нашей дружбой передо мной мелькнула самая серьёзная, возвышенная, и чудная цель жизни, но, как видно, мелькнула и снова угасла…

К чему, Тамара, твои намёки: «Подыскать ковалера», а мне познакомиться с другой, и прочее… Почему ты, совершенно искренно, не призналась во всех изменениях передо мной и перед своей совестью? В твоём сердце слишком много гордости, чтобы сказать, что тебе это всё наскучило.

Я ещё тогда, на первом нашем вечере, угадывал, что под покровом сдержанности и скромности, в тебе страстная, чувствительная и непостоянная натура, но это всё черты характера, чего трудно изменить, а то, чего возможно и нужно не допускать, того я хочу

тебе посоветовать – а именно: не играй с мужским сердцем, даже тогда, когда тебе наговорят об этом человеке много нехорошего. Во-первых, это нечестно, а во-вторых, ты можешь попасть на того, который в один прекрасный день, когда убедится в твоём кокетстве, вздумает тебе отомстить.

Это мой единственный совет.

Но больше всего я хочу пожелать тебе счастья во всём, и чтобы новый друг, на которого пал выбор твоего сердца, был достоин тебя и понял, какой прекрасный и милый человек выпал на его дружбу.

А теперь прощай, друг мой – прощай, единственно ясный луч в моей жизни, прощай, моё счастье, вернувшее мне силу жить тогда, когда я уже изнемогал.

Теперь я могу сказать: я знал счастье.

Я расстаюсь, любя всей душою, чтобы не мешать твоему счастью. У меня хватило воли признаться в этом.

Теперь я буду думать только о тебе с невыразимой грустью.

Ты мне после напишешь, или что-нибудь скажешь, хорошо?

Но только не сейчас. (Если мы увидимся).

А месяца через 2-3, когда я буду в состоянии выслушать от тебя всё. В моём сердце ещё так чувствительна нанесенная рана, но разлука излечит её.

Так будь, Тамара, счастлива, хотя бы и без меня.

Ещё раз прощай, дорогая моя, помни, что я тебя любил.

Алексей.

P.S. Тамара, пусть не остаётся у тебя такая горькая память обо мне. Поэтому прошу, как прочтёшь, возврати этот листок.

Алексей

На фото: Шура, Алексей, подруга Зоя

Знаешь, дедушка, мир изменился. Влюбленные уже не пишут бумажных писем. Не печатают фотографии. Всё чаще знакомятся в интернете. Они хотят сделать сначала карьеру. Мы живём в комфорте. Мы можем из дома посещать какие угодно курсы, из дома работать и вообще жить из дома. У нас в магазинах много красивой ненастоящей еды. Мир стал немножечко пафосным и искусственным. Но, мы можем заниматься любимыми делами и раскрывать свои таланты. Мир стал меняться очень быстро. Это не хорошо и не плохо, просто именно это сейчас происходит. Спасибо тебе за письма.

Разлука

Поехал Алёша маму отвозить в Зиму, и погостить у неё на время отпуска. Его мама знала про Шуру. Она считала, что Алексею нужна девушка с образованием. То с учительницей его познакомит, то ещё с кем, она старалась помочь сыну с выбором достойной невесты. А Шура девушка была простая, никакого образования, и работала кладовщицей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.